

**РИТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ
И БУДДИЙСКОЙ САНГХОЙ В ЯПОНИИ В ЭПОХУ ХЭЙАН (X–XII вв.)
(на примере буддийских церемоний *Мисаэ* и *Мисюхо*)**

Аннотация. Основная тема данной статьи – исследование структуры ритуальных отношений между японским императором и буддийской сангхой, сложившихся при императорском дворе в начале эпохи Хэйан. Объектом исследования являются буддийские церемонии *Мисаэ* и *Мисюхо*, которые предназначались для наделения японского императора статусом буддийского вселенского владыки чакравартина.

Ключевые слова: Хэйан, *Мисаэ*, *Мисюхо*, чакравартин.

В средневековой Японии *Мисаэ* и *Мисюхо* являлись частью официальных придворных церемоний, проводимых в канун наступления нового года. Под ними подразумевались публичные чтения и толкования «Сутры золотого света», которые длились в общей сложности 14 дней. До сих пор точно неизвестно, когда появились эти церемонии. Самое раннее упоминание о *Мисаэ* встречается в «Сёку Нихонги» («Продолжение анналов Японии») и датируется первым годом Дзинго Кэйун (768 г.). Как предполагает исследователь Абэ Рюити, официально *Мисаэ* и *Мисюхо* были включены в список основных придворных церемоний только в правление императора Камму, после того как столица в 794 г. была перенесена в Хэйан¹.

Для проведения чтений сутры приглашались пять священников высокого ранга из числа членов «*Сого*». Им обязаны были помогать придворные чиновники, которые отвечали за подготовку церемоний. В заключительной части церемонии принимал участие сам император, который устраивал пиршество для придворных и раздавал буддийским священникам милостыню в знак своего почитания «Трех сокровищ». Также он объявлял о назначении новых буддийских священников, равно как и министров, и губернаторов провинций.

Публичные чтения «Сутры золотого света» предназначались для вымаливания мира и благоденствия для императора и страны в наступающем году². С появлением при дворе буддийского священника Кукая, основавшего в IX в. школу эзотерического буддизма *Сингон*, они приобрели новое дополнение в виде тантрических ритуалов. Так, в 834 г. Кукай подал прошение императору Нинмэю (833-850), в котором указывал на необходимость проведения эзотерических богослужений в честь тех божеств, которые упоминаются в «Сутре золотого света». По его мнению, это должно было значительно усилить эффективность *сутры* в качестве средства, защищающего страну. Для этого, писал в прошении Кукай, ему необходимо выделить отдельное помещение во дворце, в котором должен быть установлен алтарь для поклонения и подношений божествам, а также 28 священников для проведения церемонии³.

Императорский двор дал положительный ответ на петицию Кукай и выделил для проведения церемоний павильон Дайгокудэн в центральной части императорского дворца, где была возведена часовня «Сингон-ин». Однако первая церемония *Мисаэ*, проведенная в ней в 836 г., прошла уже без участия самого Кукай, который скончался годом ранее. Ее проводили старшие ученики Кукай – Синдзэй (800-860), Синсё (797-873) и Синга (801-879)⁴.

К сожалению, описание этой церемонии не сохранилось. Самыми ранними дошедшими до нас упоминаниями о *Мисюхо* и *Мисаэ* являются две

записи в сочинениях: «Происхождение и применение *Мисюхо*» (Госитинити мисюхо юйсё сахо) и «Записках о [проведении] *Мисюхо* в часовне «Сингон-ин» во втором году Эйти» (Эйти нинэн сингонин мисюхоки). Первая сообщает о церемонии, проведенной в 921 г. настоятелем храма Тодзи Кангэнном (853-925); во второй записи говорится о проведении *Мисюхо* в 1142 г. настоятелем Тодзи Кандзином (1084-1153)⁵.

Несмотря на общее сходство в повествовании о самой церемонии *Мисюхо*, вторая запись отличается более детальным описанием места ее проведения – императорской часовни «Сингон-ин». Это было прямоугольное помещение, ориентированное на север. В центре его находилось такое же помещение, меньшее по размеру, окруженное внешним коридором. На восточных и западных стенах висели соответственно «Мандала Чрева» (яп. *тайдзокай мандара*) и «Мандала Алмазного мира» (яп. *конгокай мандара*). Перед ними в восточных и западных углах помещения были воздвигнуты два алтаря (*дайдокан*) для совершения ритуала подношения (санскр. *пуджа*, яп. *куёбо*) Махавайрочане. Для их украшения были использованы предметы буддийской ритуальной утвари из монастыря Тодзи, самым ценным из которых являлась небольшая *ступа* с мощами Будды Шакьямуни, по легенде, переданная Кукаю его учителем Хуэй-го.

У северной стены внутреннего помещения находился алтарь пяти гневных божеств (яп. *годай мёо*) – Ачаланатха (яп. *Фудо*), Трайлокья-виджайя (яп. *Госандзэ*), Кундали (яп. *Гундари*), Ваджраякша (яп. *Конгояса*) и Ямантака (яп. *Дайтоку*), которым следовало делать подношение во вторую очередь, после мандалы Махавайрочаны. Как объяснял настоятель храма Ситэннодзи Синкэй, эти пять божеств воплощали в себе активную силу пяти *дхьяни*-будд мандалы Алмазного мира, направленную на борьбу с врагами учения Будды, злыми духами и пр. Так, *Фудо* был эманацией Махавайрочаны (*Дайнити*), *Госандзэ* – Акшобхьи (*Асюку*), *Гундари* – Ратнасамбхава (*Хосё*), *Дайтоку* – Амиабха (*Амида*), *Конгояса* – Амогхасиддхи (*Фукудзёдзю*).

В северо-западном углу внешнего помещения были помещены два алтаря *хома* (яп. *гома*): первый – для предотвращения бедствий (*сокусай гома*); второй – для увеличения благоденствия (*дзояку гома*). Перед ними в северо-восточном углу находился алтарь для подношения Ганapati (яп. *Кангитэн*) – божества плодородия. Ему следовало делать подношения дважды в день в течение недели. Изображения 12 богов, ответственных за смену времен года, висели на восточной стене коридора, окружавшего внутреннее помещение. Рядом с входом в часовню на северо-западе находилось святилище, в котором делали подношения синтоистским богам (*дзинку*) трижды в течение всей церемонии *Мисюхо* – в первый, четвертый и последний день⁶.

Главным объектом богослужения для *Мисюхо* был, как ни странно, не Будда Махавайрочана, а Будда Ратнасамбхава (яп. *Хосё*), один из четырех Будд, окружающих Махавайрочану в южной части «мандалы Чрева» и «мандалы Алмазного мира», чьим символическим изображением является *чинтамани* – жемчужина исполнения желаний.

И «Происхождение...», и «Записки о [проведении]...» указывают, что ритуал подношения Ратнасамбхаве в церемонии *Мисюхо* мог совершать только настоятель храма Тодзи, остальные же ритуалы проводились его 14 помощниками. «Подношение мандалы», совершаемое настоятелем, предназначалось прежде всего для Татхагаты Ратнасамбхавы, мощей Будды Шакьямуни и *чинтамани*, которую, по преданию, Хуэй-го передал Кукаю и которую тот потом спрятал в горах Муруо⁷.

На четвертый день проведения *Мисюхо* буддийские священники совершали так называемый обряд «наделения властью» (или «благословения») (санскр. *адхиштхана*, яп. *кадзи*), чьей основной целью было на-

деление императора особой эзотерической властью. По обряду перед рассветом четвертого дня следовало набрать свежей воды из ручья в императорском саду «Синсэнъэн» и поместить в сосуд с ароматными травами, драгоценностями и ценными металлами для приготовления ароматизированной воды *кодзуй*. После этого настоятель храма Тодзи вместе со своими помощниками благословляли сосуд с водой, читая *мантры* следующих Будд и божеств: Буддхалочана (яп. *Буцугэн*), Махавайрочана (яп. *Дайнити*), Бхайшаджьягуру (яп. *Якуси*), Самантабhadра (яп. *Фугэн*), Авалокитешвара (яп. *Каннон*), Ачаланатха (яп. *Фудо*), Лакшми (яп. *Китидзё*) и Экакшара-ушнишачакра (яп. *Итидзи тёрин*).

После прочтения *мантр* настоятель окроплял ароматной водой специально приготовленное для этого одеяние императора. Этот ритуал назывался «*кадзи цукуэ*». Затем он пел священные гимны, в которых высказывал благопожелания императору-*чакравартину* (*сёо*)⁸.

В последний день *Мисаэ*, после завершения всех церемоний в «Сингон-ин», процессия священников во главе с настоятелем Тодзи торжественно относила сосуд с ароматизированной водой и одеяние императора во дворец «Сэйрёдэн». Там они встречались с другими буддийскими священниками, которые должны были участвовать в чтениях «Сутры Золотого света» (*Мисаэ*) во внутренних покоях императорского дворца. После появления императора, священников нарских школ, руководивших *Мисаэ*, и высшей знати в лице принцев крови и министров начинался обряд «наделения властью тела императора» (*гёкутай кадзи*). Император облачался в одеяние, доставленное из «Сингон-ин», и настоятель Тодзи окроплял его ароматизированной водой. Смысл этого обряда, судя по содержанию письма настоятеля Тодзи Кандзина, проводившего этот ритуал в 1142 г., заключался в ниспослании японскому императору безопасности, здоровья и долгой жизни, присущих наивысшим *чакравартинам* (*кинрин сёо*)⁹.

Следует отметить, что в буддийской традиции *чинтамани* являлась одной из 7 регалий *чакравартинов*¹⁰. Обретая благостную силу *чинтамани*, японский император приобщался одновременно и к сонму *чакравартинов*, поскольку обладание *чинтамани* являлось одним из признаков легитимности владыки, «вращающего колесо»¹¹, а также к пяти *дхьяни-буддам* из семьи Татхагаты (яп. *годай нёрай*), так как жемчужина *чинтамани* одновременно символизировала *самадхи* Будды Ратнасамбхавы – одного из пяти *дхьяни-будд*.

Выбор 8 божеств, чтение *мантр* которых играло связующую роль между ритуалами подношений божествам и «наделения властью», также был призван показать связь между императором-*чакравартином* и Буддами. Так, Будда Экакшара-ушнишачакра (*Итидзи тёрин*) считается в буддийской классификации одним из воплощений Будды Шакьямуни в форме *чакрвартина*, наделенного 7 регалиями и призванного спасти мир. Как указывал Кукай в трактате «Заметки о тайном сокровище» («Хидзоки»), Экакшара-ушнишачакра неразрывно связан с женским божеством Буддхалочана, охарактеризованным в буддийской литературе как *праджняпарамита* – мать всех Будд. Буддхалочана, по мнению Кукая, также является воплощением *мантры* БХРУМ (яп. *боран*) – коренного знака Экакшара-ушнишачакра. Этот союз также символизируют их *ушнишы* (яп. *буттё*). *Ушниша* Будды Экакшара имеет и более глубокое значение: во-первых, как знак царского происхождения Будды Шакьямуни, во-вторых, как символ Махавайрочаны – царя Дхармы (санскр. *дхарма-раджа*, яп. *хоо*)¹². В «Махавайрочане-сутре» Буддхалочана является царицей мудрости (санскр. *видья-раджни*), воплощающей в себе *праджню* как силу *мантры*¹³. Союз Махавайрочаны и Буддхалочаны предстает как слияние *самадхи* и *мантры*.

В интерпретации Кукая Махавайрочана является главой семьи Татхагаты (санскр. *татхагата-кула*, яп. *нёрайбу*), Буддхалочана – ее матерью, а Экакшара-ушнишачакра – ее защитником¹⁴.

Таким образом, образ Будды Экакшара-ушнишачакра имеет двойное значение. Являясь воплощением одновременно и Татхагаты, и Будды Шакьямуни, он в то же время представляет собой тайное и явное учение – связующее звено между *Мисаэ* (публичным чтением буддийских *сутр*, обладающих наибольшим потенциалом, с точки зрения экзотерического буддизма) и *Мисюхо* (тантрическими ритуалами, с помощью которых посвященные могли приобщиться к вселенской мудрости и безграничной власти Будд) по замыслу Кукая.

В Индии, судя по запискам буддийских китайских паломников Сюань-цзана и Фасяня, обязательным условием для восхождения царя-*чакравартина* на престол являлось его символическое дарение царства и сокровищ казны «Трем сокровищам» или мощам Будды, также символизировавшим эти «Три сокровища»¹⁵. Во время проведения церемонии *Мисюхо* этот ритуал, по мнению Абэ Рюити, мог воплощаться в подношении *мандалы* мощам Будды и *чинтамани*¹⁶. По моему мнению, такую же роль могла играть и доставка одеяния императора в часовню «Сингон-ин», что также могло символизировать подношение личного имущества императора «Трем Сокровищам». Совершавшийся на другой день обряд дарения, включающий облачение императора в благословенное одеяние перед лицом его министров и родственников, в этом контексте приобретал то же значение, что и ритуал буддийского собора *мокшамахапаришад* в Древней Индии.

С одной стороны, император символически жертвовал свое царство в форме своей одежды Будде, его учению и *сангхе*, с другой, – во время ритуала «наделения властью» он получал обратно свое одеяние и посредством освящения ароматизированной водой *чинтамани* из обычного правителя превращался во вселенского владыку-*чакравартина* и члена универсальной семьи Будды Татхагаты.

Предварительное помещение одеяния императора в «Сингон-ин» могло иметь еще одно, сакрально-пространственное значение. В ранних буддийских источниках одежда царя или Будды играет решающую роль в покорении (обращении в буддизм) автохтонных племен другого царства. «Дипавамса» – одна из буддийских исторических хроник Шри-Ланки (Цейлон) содержит легенду об обращении Буддой *якши*, населявших этот остров. Согласно легенде, Будда потребовал у *якши* места для сидения и расстелил на нем свою накидку-шкуру. Затем шкура начала увеличиваться и заняла весь остров. *Якши* вынуждены были уступить Будде и перебраться на другой остров, а на месте их сборища Будда воздвиг *ступу*¹⁷.

Н.В. Александрова указывает на связь элемента «одежды-шкур» в этих преданиях с древнеиндийскими ритуалами *раджасуя* и *ваджанея*, в которых обряды посвящения на царство совершались с применением шкур тигров и козлов¹⁸.

В этом контексте следует рассмотреть обряд окропления ароматизированной водой одеяния императора *кадзи-цукуэ* настоятелем храма Тодзи. Если считать одежду императора как символ буддийского обращения-завоевания страны, то ритуал окропления можно интерпретировать как посвящение японского императора в качестве *чакравартина*-владыки страны в наступающем году посредством буддийской *сангхи*.

Таким образом, эзотерические *мантры*, игравшие ключевую роль в ритуалах подношения и дарения, в ритуале *Мисюхо* предназначались для наделения японского императора статусом *чакравартина*. Однако при внимательном изучении сакрального смысла обряда *Мисюхо* становится очевидным его расхождение с обрядами «дарений» в Древней Индии, описанных Фа-сянем и Сюань-цзаном. В Индии жертвование царем буддийской *сангхе* своих царства и казны символизировало передачу вселенским царем-*чакравартином* во владение всего мирового пространства-царства, заключенного между четырьмя сторонами света. В Японии же,

напротив, император-*чакравартин* получал в дар страну и возможность вселенского господства посредством эзотерических ритуалов, совершаемых буддийской *сангхой*. Буддийские священники, как носители эзотерического знания, способные с помощью тайной силы *мантр*, *сутр* и церемоний управлять Вселенной, таким образом приобщали императора к кругу избранных – семье Татхагаты Махавайрочаны.

В этом контексте, переосмысливалось и значение Японии как государства. С императором-*чакравартином* во главе Япония представляла не просто как обычная страна, но как воплощение одного из четырех материков, имеющих сакраментальное значение для буддизма в качестве вселенского учения.

Библиографический список

Abe Ryuichi. The weaving of mantra. Kukai and the construction of Esoteric Buddhist discourse. – N.Y.: Columbia University Press, 1999. – P. 346 – 352.

The Sutra of Golden Light (Survanabhasottasamasutra) / trs. by R.E. Emmerick. – Oxford, 2001. – P. 78 – 90.

Александрова Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии. – М.: Восточная литература, 2008. – С. 50 – 55.

Кравцова М.Е. Концепция верховной власти и образ вселенского правителя в буддийской культуре (на материале палийских и китайских версий канонических сутр) // Религия и культура. Россия. Восток. Запад. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 135 – 140.

«Махавайрочана сутра». Св. 2. Т 18:6с, Т 39:631 // Тантрический буддизм / пер. и комм. А.Г. Фесюна. – М.: Серебряные нити, 2004. – С. 135 – 136.

¹ Abe Ryuichi. The weaving of mantra. Kukai and the construction of Esoteric Buddhist discourse. – N.Y.: Columbia University Press, 1999. – P. 346.

² The Sutra of Golden Light (Survanabhasottasamasutra) / trs. by R.E.Emmerick. – Oxford, 2001. – P. 78 – 90.

³ Abe Ryuichi. The weaving of mantra... – P. 346

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. – P. 349.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. – P. 352.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. – P. 349.

¹¹ Кравцова М.Е. Концепция верховной власти и образ вселенского правителя в буддийской культуре (на материале палийских и китайских версий канонических сутр) // Религия и культура. Россия. Восток. Запад. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 135 – 140.

¹² Abe Ryuichi. The weaving of mantra... – P. 350.

¹³ Махавайрочана сутра. Св. 2, Т 18:6с, Т 39:631 // Тантрический буддизм / пер. и комм. А.Г. Фесюна. – М.: Серебряные нити, 2004. – С. 135.

¹⁴ Abe Ryuichi. The weaving of mantra... – P. 354.

¹⁵ Александрова Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии. – М.: Восточная литература, 2008. – С. 50 – 55.

¹⁶ Abe Ryuichi. The weaving of mantra... – P. 354.

¹⁷ Александрова Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии... – С. 50 – 55.

¹⁸ Там же.